

Наталья
Александрова

Наталья Александрова

Мистерия горгоны
Медузы

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Серия «Роковой артефакт»

Оформление — Анастасия Орлова

*Ранее книга выходила под названием
«Камень римской куртизанки»*

Александрова, Н.

А46 Мистерия горгоны Медузы: [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 320 с. — (Роковой артефакт).

ISBN 978-5-17-185053-1

По преданию, тело злобных бессмертных чудовищ — горгон покрывала крепкая, как металл, чешуя, которую не брал ни один меч. У них были стальные острые когти, а на голове вместо волос извивались ядовитые змеи. Они носились по воздуху и жадно пили горячую кровь своих жертв. И только горгона Медуза была смертна и обладала даром завораживать взглядом и превращать в камень всё живое.

...В наши дни драгоценная старинная камея с изображением горгоны Медузы помогла двум сёстрам разобраться с серией загадочных убийств. Они приняли вызов судьбы и приступили к опасному расследованию, которое едва не лишило их жизни...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-185053-1

© Н. Александрова, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

— Чёрт знает что! — сказал капитан Пётр Лебёдкин, входя в свой крошечный кабинетик. — Нет, ну это просто чёрт знает что!

Его напарница Дуся Самохвалова подняла голову от вороха бумаг и рассеянно поинтересовалась:

— Ага, опять влетело?

— Не опять, а снова, — огрызнулся Лебёдкин, но тут же опомнился.

Самохвалова — баба хорошая, это все знают, и ему сильно повезло, что попала она к нему в напарницы. Мало того, что невредная, с пониманием и характер золотой, так еще и умная. Они отлично ладят, так что вовсе незачем ему сейчас срывать на Дусе свою злость.

Дуся, кстати, не думала обижаться. У нее действительно был замечательный характер, и на жизнь она смотрела с оптимизмом. Она свято верила, что всё всегда, рано или поздно, будет хорошо. Такому отношению к жизни очень способствовала Дусина внешность. Дуся — женщина яркая и сама себя называла «сто килограммов женской красоты». Это она округляла для красного словца,

хотя на самом деле если не сто в ней было, то прилично за девяносто. Дуся веса своего нисколько не стеснялась, а наоборот, очень собой гордилась. Впрочем, у нее всего было с избытком: глаза сияющие, круглые, как блюдца, рот крупный, губы полные безо всякого геля, волосы густые, волнистые, по выражению парикмахеров, «на троих волос хватит». Исходила от Дуся такая жизненная энергия, что спокойно можно было бы заряжать от нее батарейки или давать электричество в удалённые и слаборазвитые районы, конечно, если Дуся позволила бы.

Мужчины, видя Дусю впервые, обалдевали и столбенели. Сослуживцы, конечно, попривыкли уже, пообвыкли, а новеньких заранее подготавливали, чтобы не было недоразумений.

С женщинами Дуся всегда поддерживала хорошие, ровные отношения, поскольку была не вредной и независтливой. В разговорах со свидетелями Дуся не было равных, а подследственные проникались к ней доверием и рассказывали всё-всё, знай только слушай. А слушать Дуся умела.

Сейчас Дуся прекрасно понимала, что явился ее напарник от начальства, а начальство, как известно, по головке никогда не погладит, а норовит стружку снять. А с Петькой вообще сложно. Уж очень он резкий, заносит его на поворотах, никаких тормозов нет. Учила его Дуся, учила: у начальства в кабинете молчи, что бы начальник ни говорил. Кивай, как китайский болванчик, со всем непременно соглашайся и тверди, как попугай, что всё будет сделано точно и в срок. Так всем будет лучше: и тебе, и руководству.

Но Петька — натура пылкая, увлекающаяся, вечно норовит из пустяка устроить цирк с фейерверком, везде ему серийные маньяки мерещатся. А начальство такие предположения и маньяков ну очень не любит.

Прежний их начальник, полковник Медведкин, был человек простой, как говорится, что на уме у него, то и на языке. Начнёт Петька у него в кабинете свою линию гнуть, схемы какие-то показывать, графики, распечатки, Медведкин как рявкнет, будто он не полковник, а медведь, которого зимой охотники разбудили. Тут бы Лебёдкину и помолчать, попятиться тихонько да и уйти. Ан нет, он еще больше горячиться начинает. Руками размахивает, графики под нос начальству суёт. Так-то он мужчина тихий, но как втемяшится ему в голову, что убийство не простое, а серия намечается, — так просто Петька сам не свой делается.

Понятно, что такое поведение начальство не одобряло. Правда, пару раз не ошибся капитан Лебёдкин, угадал — таки серию. Громкие дела были, за первое Лебёдкину премию дали в размере месячного оклада, и Дусю тоже не обидели, а полковник Медведкин на повышение пошёл. А во второй раз при новом начальнике им денег не дали. Зато Ирина Павловна, секретарша начальника, с которой у Дуси с некоторых пор нежнейшая дружба, шепнула, что на этот раз Петьке нужно насчёт квартиры подсуетиться. Он после развода уже не сколько лет в коммуналке маялся.

И ведь выгорело дело, дали Петьке отдельную квартиру. Тут бы ему и успокоиться, дух перевести, работать, как велят, даму сердца какую-нибудь

завести, если не для женитьбы, так для серьёзных отношений, так нет. Снова Петька мечется, опять ему больше всех надо, с начальством конфликтует, а женщин вообще сторонится. И то сказать, ходили смутные слухи о Петькиной супружеской жизни и последующего потом развода. Жена ему лютая стерва попалась, а тёща — еще хуже, еле-еле Петька от них избавился. Это давно было, Дуся еще тогда с ним не работала. Он про это никогда не вспоминает, а Дуся не спрашивает — что соль-то зря на раны сыпать...

Сейчас Дуся поглядела на напарника, который рухнул на стул, и протянула ему через стол бутылку минералки.

— Охладись маленько, остынь!

Лебёдкин одним богатырским глотком отпил полбутылки воды.

— Ух! — сказал он чуть бодрее. — И до чего же я не люблю с начальством общаться!

— Да кто же это любит-то... — философски заметила Дуся. — К сожалению, это не в наших силах. Была бы моя воля — век бы начальство не видала. За что на этот раз он на тебя наехал?

— Ты не поверишь! — Лебёдкин взмахнул руками, так что Дуся едва успела увернуться от бутылки. — Из-за девицы, что позавчера ограбили.

— Да с чего вдруг? — Дуся пожала мощными плечами. — Обычное дело, девушка поздно возвращалась домой, заскочил за ней в подъезд шарамыжник какой-то, тихонько поднялся с ней на ее этаж по лестнице, дал по голове, вырвал сумку да и смылся. Непонятно только, отчего она не сообщила перед тем, как в тёмный подъезд входить,

по сторонам посмотреть. Ведь не ребёнок малолетний, а взрослая женщина, пора бы уж поумнеть.

— Ага, ну я и объясняю, что потерпевшая вроде бы не сильно пострадала. Дали по голове, но даже сотрясения нет, и сумку в ближайшей урне нашли. А грабитель этот небось воришка мелкий, и как его найти-то? Тем более потерпевшая сказала, что денег в кошельке немного имелось, ну мобильник еще, конечно, и всякие там дамские штучки. Так что денег кот наплакал, а мобилу он уже толкнул по дешёвке, и всего делов-то.

— А наш что на это сказал?

— Да что сказал... — вздохнул Лебёдкин. — Смотрит на меня глазами своими оловянными и молчит.

Дуся представила эту картину и невольно поёжилась. Вроде бы после того, как прежний их начальник полковник Медведкин пошел на повышение и новый начальник вступил в должность, прошло уже довольно времени, а всё никак не могут они к нему привыкнуть. Чёрт его знает, что он за человек, и вообще человек ли? Предположение это высказал как-то Петька, и Дуся порой тоже задумывалась — а вдруг ее напарник прав? Потому что про начальника никто ничего не знал — кто он, откуда, сколько ему лет, женат или холост, а если в разводе, то в который раз...

Секретарша Ирина Павловна, дама широких интересов, никогда про своего начальника не сплетничала, а Дуся не спрашивала, знала, что всё равно ответа не получит. Да если честно, то секретарша и сама-то толком ничего не знала.

Начальник был подтянут и моложав — ни лишнего веса, ни мешков под глазами, ни морщин вокруг рта. Всегда чисто выбрит и аккуратно подстрижен, костюм недешёвый и сидит отлично, обувь дорогая, галстук же довольно унылый, какой-то канцелярской расцветки. И, по наблюдению Ирины Павловны, галстуки и костюмы начальник менял часто, но обязательно на такие же точно. Говорил начальник всегда негромко, и не поймёшь даже, баритон у него или тенорок козлиный. Глаза, как метко выразился в свое время капитан Лебёдкин, были у начальника совершенно оловянные, бесцветные, и лицо выразительное, как дверца холодильника. И такое же отстранённо-холодное. Через некоторое время дружный коллектив решил, что лучше уж полковник Медведкин — тот по крайней мере орал на них, как зверь, выражался порой неприлично, но с ним всегда можно было по-человечески поговорить. С понятием был мужик.

— Ну, значит, молчит он, — вздохнул Лебёдкин, — а я стою и жду, когда замерзать начну. А потом он рот открыл и объявил, что с сегодняшнего дня у нас какой-то месячник борьбы с нелегалами. И что, конечно, Миграционная служба старается, но и мы со своей стороны должны проявить... В общем, что-то там выявить, углубить и улучшить.

— Понятно, — протянула Дуся сочувственно. — Следовательно, попал ты, Петенька, под раздачу.

— Такое мое счастье, — пожал плечами Лебёдкин и посмотрел в глаза напарнице искательно: — Дусь, а Дусь?..

— Ну чего тебе? — Она нахмурила брови, но долго сердиться не могла и улыбнулась. — Ладно уж, страдалец, схожу поговорю с твоей ушибленной девицей!

— Дуська, ты золото!

Капитан Лебёдкин прекрасно знал Дусины деловые качества, она ведь могла разговорить любого человека. И выяснить всё, что нужно и важно. И не то чтобы сведения клещами из свидетеля тащить или там иголки под ногти загонять, люди сами всё подчистую ей выложат и вспомнят всё, что позабыли. У Дуси внешность располагающая, доверяют ей люди.

Дуся надела новое синее пальто, покрутилась перед зеркалом. Пальто это устроила ей по знакомству мамаша одного оболтуса, Дуся его спасла от колонии. Пятнадцатилетний оболтус связался с плохой взрослой компанией, малолетнему идиоту было лестно, что с ним общаются такие серьёзные ребята. А ребята грабали небольшой магазинчик, вырубали сторожа и подставили оболтуса по полной программе, подсунули ему какие-то вещи и дружно валили на него, так что светила парню колония всерьёз и надолго. На допросах мальчишка молчал, играя в благородство, никакие уговоры на него не действовали. Сумела переубедить его только Дуся. Когда следствие закончилось, благодарная мамаша, работающая в бутике элитной одежды, устроила Дусе дорожущее пальто с большой скидкой.

Итак, Дуся причесалась перед зеркальцем и отправилась навещать потерпевшую Козлихину Алёну Викторовну, которая вышла вчера из больницы

и находилась дома, поскольку на работу ее еще не выписали, что и выяснил капитан Лебёдкин посредством телефонного звонка. Алёна Козлихина жила недалеко от здания полиции, в блочном шестиэтажном доме рядом с метро. Требовалось обойти станцию сзади, миновать цветочные ларьки и крошечный магазинчик мобильных телефонов, нырнуть в проход между стройкой и задней стеной бани — и вот он, дом. Дуся работала в этом отделении полиции несколько лет и успела изучить все окрестности.

Домофон звонил долго. Наконец отозвался слабый невнятный голос и спросил «кто там». Дуся ответила как есть — из полиции. Замок щёлкнул, подъезд открылся. Лифт ожидаемо не работал, пришлось подниматься на пятый этаж пешком. Дуся посчитала это полезной гимнастикой. Худеть она не собиралась, ей это даже в голову не приходило, но всё же, как говорят, физические упражнения для жизненного тонуса полезны.

Дуся внимательно изучила все четыре двери квартир на лестничной площадке пятого этажа.

Одна дверь новая, заклеенная плёнкой, стало быть, ремонт жилья сделали и не живут пока. Другая дверь была, наоборот, старая и обшарпанная, чуть ли не жучками проеденная, такую не всегда и на помойке встретишь, и пахло из квартиры самой настоящей свалкой. Алкаши, значит, обитают, с такими не поговоришь, мозги и память давно пропили. Третья квартира была потерпевшей — ну да, Лебёдкин выяснил, что Козлихина живёт на своей площади, а в последней квартире дверь была тщательно вымыта, даже ручка сияла,

и коврик лежал хоть и старенький, но чистый. И сейчас Дусе послышалась какая-то осторожная возня за той дверью. Ясно, соседка любопытная около глазка пристроилась...

На звонок открыла девица в розовом длинном халате и босиком. Вид у нее был помятый и недовольный.

— Чего надо? — довольно грубо спросила она, сжимая ворот халата у горла. — Чего вы всё ходите? Я на больничном.

Дуся не обиделась на такое невежливое обращение, она вообще на людей не обижалась.

— Можно в квартиру пройти или тут будем разговаривать? — Она широко улыбнулась, намекая на любопытную соседку.

Расчёт оказался верный, девица недобро покосилась на дверь напротив и неохотно посторонилась. Она поморщилась, прикоснувшись к волосам. Чуть выше виска был наклеен пластырь, а вокруг засохла кровь.

Прихожая показалась Дусе темноватой и довольно захламлённой, девица мотнула головой вправо, что означало — иди на кухню. Дуся сняла дорогое пальто и повесила на крючок старой ободранной вешалки, даже плечиков не нашлось. На кухне царил жуткий беспорядок, и зоркие Дусины глаза сразу определили, что такое состояние для хозяйки дело привычное. Сразу ведь видно, что бедлам на кухне не потому, что хозяйка заболела и у нее из рук всё валится, а просто она привыкла в таком кавардаке существовать. Дуся и не думала никого осуждать, не ее это дело, она просто отметила про себя некоторые детали.

— Зачем вы пришли? — спросила хозяйка, опустившись на стул. — Сказала же еще в больнице, что ничего не помню, паразита-вора я не видела. Так что забудьте вы про это дело, и я поскорее забуду! Век бы не вспоминать...

— Не получится, — вздохнула Дуся, стоя перед Козлихиной. — Ваше дело начальство взяло под персональный контроль, так что придётся расследовать.

— Что значит «под персональный контроль»? — Девица подняла голову, и от резкого движения, видно, снова ей поплохело.

— Болит? — посочувствовала Дуся. — Сильно он вас приложил?

— Врачи говорят — несильно. Но голова кружится, — вздохнула Козлихина и неожиданно предложила: — Кофе хотите?

— Хочу, — обрадовалась Дуся, давно уже приметившая на кухне вполне приличную кофеварку. Не то чтобы она так уж хотела кофе, просто нужно было установить доверительные отношения с потерпевшей, а совместно выпитая чашка кофе этому очень способствует.

Пока Алёна Викторовна заправляла кофеварку, Дуся сама вымыла две чашки и одну чайную ложку, вторую не отыскала. И чашки разномастные: одна красивая, но старая уже, краешек отбит, а вторая новая, совсем дешёвая, даже без рисунка. Кофе, разлитый по чашкам, испускал умопомрачительный аромат.

Девица вдруг побледнела, покачнулась, придерживалась рукой за стол и опустилась на табуретку, которую Дуся присмотрела для себя. На кухне

стояли два шатких стульчика на металлических ножках, а вот табуретка была старая, с виду надёжная. Дусе вовсе не хотелось начинать доверительный разговор со сломанного стула, а эти тонконожки явно ее веса не выдержат.

— Ты чего? — Она кинулась к потерпевшей. — Плохо, что ли? Только в обморок не падай! — Сама не заметив, Дуся перешла с ней на «ты».

— Да я ничего... — слабым голосом ответила та. — Голова кружится, и в глазах темно.

— Рано тебя выписали! — посочувствовала Дуся.

— Да ладно, у меня и раньше так бывало. Нечасто, правда. Нужно кофе выпить... Полегчает.

— Это пожалуйста! — Дуся без труда перетаскивала девицу к столу на стульчик, а сама завладела табуреткой. Табуретка не подвела, выдержала ее вес.

— Тебе нужно непременно с сахаром... — Дуся оглянулась в поисках и нашла старую фарфоровую сахарницу с отбитой ручкой. Но та была совершенно пуста.

Дуся открыла шкафчик, но обнаружила только полупустую бутылку подсолнечного масла и пакетик душистого перца, да еще пустую коробку из-под кукурузных хлопьев, из которой как раз выползал шустрый предприимчивый муравей.

— У меня... в куртке, в кармане сахар есть... — прошелестела девица.

Дуся пулей полетела в прихожую и нашла куртку, валявшуюся на полу, поскольку оторвалась вешалка. Она подняла куртку и без труда определила, что эта верхняя одёжка побывала в больнице, только там могла впитать она такой тоскливый запах.